

Самая опасная политика "никакая"

Егор Гайдар
анализирует причины
политического
долголетия премьера
Черномырдина

Егор Титурович, как происходило рождение правительства Черномырдина? — Одним из условий компромисса, который тогда был достигнут между президентом, правительством, Конституционным судом и съездом народных депутатов, было представление Ельциным новой кандидатуры премьера. Была оговорена процедура: фракции собирают предложения, вносят несколько кандидатур, проводится рейтинговое голосование, и одну из трех кандидатур, набравших наибольшее число голосов, президент выставляет на голосование. Если она проходит — он утверждает премьера, если нет — назначает исполняющего обязанности. Процедура давала ему достаточно широкую свободу маневра.

Черномырдин не рассматривался в качестве серьезной кандидатуры, это не был запланированный вариант. И надо сказать, что он сам совершенно не рвался в премьеры. Его кандидатуру назвали несколько фракций, и он советовался, надо или не надо ему баллотироваться: если скажут, что не надо — я не буду... Ему сказали, что надо: главная задача была, чтобы по рейтингу не оказались впереди три заведомо и абсолютно неприемлемые кандидатуры.

Голосование: больше всех набирает Скоков (на мой взгляд, кандидатура абсолютно неприемлемая), потом Черномырдин, потом я, а потом Каданников — на один голос меньше, чем я. Президент первым пригласил меня. Я подробно описывал этот разговор в книжке. Напомню только суть. Я сказал Борису Николаевичу, что если он не будет назначать меня, то, на мой взгляд, надо назначать Черномырдина. Но ни в коем случае не Скокова. А если будет назначен Черномырдин, то я всех своих буду просить оставаться, работать и так далее... Поговорив с Черномырдиным и Скоковым, он пригласил меня еще раз и сказал, что будет представлять кандидатуру Черномырдина.

Черномырдин, как вы помните, выступил со своей известной речью о "рынке без базара", после чего был с большим энтузиазмом избран. И от него на самом деле тогда очень многие самого разного ждали. Помнится, Вольский дал неосторожное интервью где-то в Японии, начал рассказывать, как он будет правительство формировать... Ельцин очень на это дело рассердился, сказал, что так не будет, что реформы не отдаст, ну и так далее. Короче говоря, правительство в тот момент было еще коалиционным, с сильным влиянием наследия правительства реформ. Я действительно тогда собрал всех своих и сказал, что совершенно освобождаю от всяких предшествующих обязательств по отставкам, больше того, некоторых людей лично очень прошу остаться и работать. Чубайса в том числе, потому что был самый-самый момент начала приватизации, вот только запущен механизм, и уходить — значит, просто загубить все...

С Черномырдиным мы поговорили в этот вечер, во-первых, по некоторым срочным делам, которыми он до этого не занимался — по финансам, валюте. И немножко по персоналиям — он спрашивал каких-то моих советов: кто в этом разбирается, а кто в этом...

— Не кажется ли вам, что существовало не одно правительство Черномырдина, а несколько?

— Абсолютно согласен. Очень ярко это видно по последнему году, если сравнить правительство, сформированное в августе 1996 года, с тем, которое появилось в марте 1997-го. Идеологически и личностно они малосовместимы, хотя от-

дельные персоналии перешли из одного в другое.

Но на самом деле вот таких разных правительств за это время было много. Скажем, одно — после выборов 1993 года и моей отставки, отставки Бориса Федорова и Эллы Памфиловой. После "черного вторника" — было уже существенно другое правительство, хотя, конечно, контраст не такой сильный. Это очень забавно, когда на таком извилистом пути с большим количеством ухабов правительство, как и следовало ожидать, много раз менялось, а премьер все время оставался один и тот же.

— Чем вы это объясняете?

— Я это объясняю неким набором его личных качеств. Он человек с выраженной традиционной корпоративной этикой, суть которой: начальник прав, и я не должен его предавать. Причем должен быть не формально лоялен, а по существу, особенно в сложных ситуациях.

Черномырдин — это правда — человек, лояльный Ельцину не просто из каких-то личностных соображений, а потому, что он считает это правильным, считает, что так полагается себя вести. С этой точки зрения, естественно, он устраивал президента.

Во-вторых, Черномырдин — это человек, который был поставлен, проведен думским большинством и которого Дума, очень большая часть ее, всегда считала своим человеком на верхушке власти. Мысль о том, что они могут получить на этом месте какого-нибудь обобщенного Гайдара, для них всегда была диким кошмаром. Поэтому они при любых конфликтах старались не до-

водите до такого положения, когда Черномырдин, не дай бог, может быть заменен.

Плюс к этому Черномырдин обладает способностью говорить с коммунистами на их языке. Когда некоторые вещи говорил им (или номенклатуре) я, это всегда воспринималось с огромным отторжением — я для них чужой. А от него... Ну, Степаныч, он же наш, если он говорит, может, действительно, это так... Это его большой талант коммуникатора в отношениях с номенклатурой, с элитой и так далее, которым он явно пользуется. При этом Черномырдин обладает достаточным уровнем гибкости.

В принципе он, конечно, не хочет назад. А что делать-то на самом деле, конечно, не знал... Поэтому то, что он делает, в огромной степени зависит от ситуации, от того, что требуют сейчас, куда давят, кто рядом оказался, кто влияет и т. д. И оказывается, что правительство Черномырдина — это правительство, которое остается лояльным президенту, имеет какие-никакие отношения с Думой, не доходящие, как правило, до разрыва, и одновременно способно проводить самую разную политику.

— *Пять лет. Проходит приватизация, финансовая стабилизация с жесточайшей экономией, урезанием расходов, бюджет становится неэмиссионным — все при Черномырдине. Откуда такой запас веры у оппозиции в то, что он "наш"? Даже если это делается другими руками — все равно, с точки зрения оппозиции, он этому попустительствует.*

— Попустительствует. Но с ним хоть разговаривать можно, он же слушает, к нему можно прийти пожаловаться, что-то получить, в крайнем случае. А представьте себе кошмар: сидящего на этом месте какого-нибудь обобщенного Чубайса...

— *Считаете ли вы, что потенциал Черномырдина исчерпан?*

— Я не знаю... По-моему, нет. Ну смотрите, он по-прежнему демонстрирует лояльность президенту. Он по-прежнему нужен Думе...

Предшествующее правительство Черномырдина — с августа 96-го по февраль-март 97-го — конечно, оказалось поразительно слабым и неэффективным. Я оцениваю иногда работу правительства по такому критерию: сколько времени уходит на отмену принятого им постановления. Когда правительство не знает, что делать, оно регулярно

издает постановления, по которым предоставляет какие-то льготы, а через некоторое время их отменяет; принимает решение что-то израсходовать, а потом отменяет эти расходы. Когда правительство, достаточно слабо, находится в стадии относительной стабильности, временной лаг между решением и его отменой составляет примерно полгода. К весне 97-го года он уже составлял примерно месяц. Что свидетельствовало, конечно, о глубоком кризисе. И именно потому, что политика оказалась абсолютно никакой, а, значит, опасной — нужны были очередные радикальные изменения. Президент выступил с посланием, провозгласившим курс на системные либеральные преобразования, была маленькая кадровая революция, ушли почти все вице-премьеры, кроме Серова и Куликова...

А Черномырдин остался. Потому что, первое, он был готов принять новый курс, второе, у него было собственное ощущение, что правительство работает неэффективно, поэтому он горячо поддерживал реорганизацию. Третье, с ним могла работать новая команда, и он был готов с нею работать. Кроме того, Черномырдин в этом окружении — Черномырдин другой, нежели тот, который был за месяц до этого.

А при том надо понять, что смелая позиция председателя правительства —

это неизбежная дестабилизация положения, представление нового премьера Думе, сложная проблема согласования, возможно, досрочные выборы — все, что на самом деле содержательной работе не очень способствует. Срочно нужны меры у вас взрывная ситуация по пенсиям, денежному довольствию, бюджет абсолютно нереалистичен, а вместо того чтобы срочно начинать работать, вы четыре месяца занимаетесь утверждением премьера, выборами...

Короче говоря, в этой ситуации он оказывается фигурой в высшей степени устойчивой.

— *Как бы вы оценили, максимально обобщенно, итоги этого пятилетия правительства Черномырдина: самые очевидные провалы и, может быть, более или менее очевидные успехи?*

— Самые очевидные успехи... Первое — не развалил рынки, то есть, не сделал непоправимых глупостей. Не заморозил цены, не отменил конвертируемость рубля, не начал масштабную национализацию, то есть, не сделал массу вещей, которых от него ждали в конце 92-го года. И это серьезное достоинство, серьезное достижение. Не остановил приватизацию. После длинных и тяжелых колебаний провел-таки денежную стабилизацию. Скажем так: с точки зрения задач первого этапа реформ — главное достижение — что пришлет-таки к денежной стабильности.

Главное поражение — то, что этот путь оказался, в результате его ошибок, растянутым ну по меньшей мере вдвое. Мы в 1994 году могли оказаться в ситуации 1997-го. Предпосылки к этому были. К концу 94-го вполне можно было прийти не с "черным вторником", а с очень низким темпом инфляции и стабильным курсом...

Если же говорить о вещах, выходящих за рамки финансово-денежной политики, то главное достижение — при нем не состоялась победа коммунистов. А главный недостаток, или провал, в том, что при нем, именно при нем, произошло формирование олигархии, сращивание собственности и власти, утрата прозрачности. Льготы, особые отношения... Конечно, нельзя сказать, что до него этого вообще не было, но при нем это расцвело пышным цветом. Если в 92-м году для нас борьба со льготами была одним из стержневых направлений политики, то дальше, наоборот, это все в полном объеме реализовалось.

— *Этапы существования правительства Черномирдина совпадают с этапами развития русского капитализма?*

Появление в правительстве реформаторов — это такая фоновая вещь, которая возникает в условиях кризисов: вот когда совсем плохо, срочно требуются реформаторы. Когда кризисов не было, шло постепенное ослабление влияния «красных» директоров и усиление влияния банкиров. Иногда это проявлялось в назначениях: самое характерное — Потанин вместо Сосковца. Иногда не проявлялось. Но в целом происходила постепенная утрата влияния и власти традиционной директорской элитой (которая к концу правления Рыжкова — Павлова считала, что де-факто она приватизировала свои предприятия) и постепенное усиление новой финансовой элиты.

Рваный ритм российских реформ как раз связан с тем, что либеральные меры приходится реализовывать тогда, когда становится ясно, что это абсолютно необходимое условие выхода из кризиса. А поскольку под ними нет серьезной социально-политической базы и они всегда конфликтные и тяжелые, то как только ситуация чуть-чуть нормализуется, возникает мощное контрнаступление.

— *Могли бы вы дать прогноз развития событий? В какой степени сейчас экономическая политика зависит от состава правительства?*

— Наиболее вероятно, что правительство сохранит все-таки основные черты того курса, который был принят в марте, но проведение этого курса станет менее последовательным и более сложным. Это значит, что ухудшения не будет, что экономический подъем, видимо, продолжится, что, в общем, денежная, финансовая системы не будут дестабилизированы (если, подчеркну, не будет каких-то особо неприятных коллизий, связанных с новыми крупномасштабными изменениями в правительстве или с международным финансовым кризисом). Но продвижение по таким ключевым направлениям, как налоговая реформа, социальная реформа и так далее, будет существенно медленнее, чем хотелось бы и чем можно было бы надеяться.

— *Что, по-вашему, породило последний скандал вокруг книги о приватизации?*

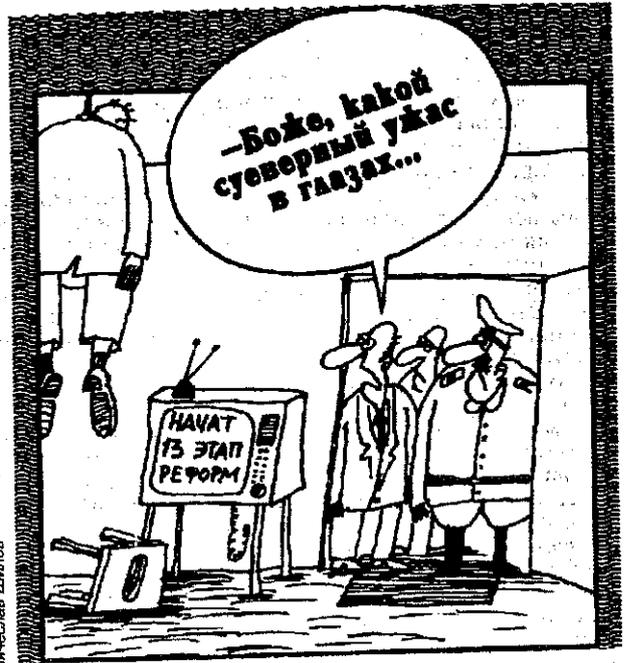
— Знаете, ситуация, по-моему, предельно простая и всем понятная. Сначала о сути. Либеральные реформы по своей природе — это рационализация государственных расходов, максимизация доходов и упорядочение правил игры. И то, и другое, и третье — это серьезные удары по группам интересов. Когда вы отбираете счета у уполномоченных банков, то трудно ожидать, что они будут вам благодарны. Когда вы им объясняете, что они будут пла-

тить на аукционе столько, сколько объект стоит, это тоже удар по их интересам. И так далее. Если это так, то надо ждать сопротивления. У них мощнейшие позиции, средства влияния, каналы, информационные империи, связи в силовых структурах, куча купленных ими людей в разных ведомствах, мощно выстроенная система поддержки. Они это все не отдадут. И ясно было, что продвижение в этом направлении, именно поэтому, что оно снимает напряжение в социуме, будет порождать напряжение в элите. Чтобы своевременно

платить пенсионерам, ты должен отобрать деньги, которые крутят уполномоченные банки. Отбирая эти деньги, ты задеваешь интересы гораздо более серьезные с точки зрения возможности их защиты, чем интересы пенсионеров.

А спусковым крючком мог быть аукцион по «Связинвесту» или что-то другое, конкретный повод не так важен. Но то, что в целом продвижение на этом пути приведет к конфликту, было понятно раньше, еще в 1996 году, после президентских выборов. Кстати, всегда приятно, когда ты это не просто знаешь, но еще и пишешь вовремя. Я писал об этом, и подробно. Конечно, я не знал, в какой форме это произойдет, но то, что произойдет, было ясно.

А как только ты задеваешь эти интересы, ты вступаешь на очень опасный путь. Твои противники — люди серьезные, абсолютно серьезные, у них есть набор очень сильных качеств: полный прагматизм и отсутствие каких бы то ни было ограничений, готовность использовать любые средства, огромные деньги и в этой связи множество купленных людей — от правоохранительных органов до средств массовой информации, — и, наконец, мощнейший рычаг в виде информационных империй, которые уже к этому времени отстроены и мобилизованы... Было ясно: что-нибудь они обязательно придумают. И ошибка Чубайса была только в одном: когда люди из его команды написали книжку и оформили гонорар, заплатили налоги и договорились о направлении 95 процентов гонорара на благотворительные нужды, они вдруг забыли, что все, что они делают, обязательно будет использовано против них. И они устанут оправдываться и

Выachesлав Шиллов

объясняться, почему и как они что-то сделали.

Вопрос тут очень серьезный, он не в том, кто какой гонорар получил за статью или книжку. Вопрос в том, кто станет в государстве хозяином: демократически сформированные органы власти, которые будут контролировать бюджетные деньги и не давать их неэффективно использовать, или группа крупных предпринимателей, при звонке которых министр финансов будет становиться по стойке смирно.

— *Понимает ли это Ельцин?*

— Я думаю, он понимает роль Чубайса в обеспечении стабильности, в том, в какой степени на него реагируют рынки, и т.д.

Однако он не профессиональный экономист и вынужден полагаться больше на интуицию: мнения высказываются разные, я говорю одно, кто-то — другое. Но вот то, что он абсолютно не может не понимать, будучи профессиональным очень мощным политиком: если бы он пошел на поводу у банкиров и снял Чубайса, то вся бы страна, вся элита поняла бы, кто настоящий хозяин. Что хозяин не он, что он просто объект манипулирования. И можно себе представить, как будет вести себя следующий человек, оказавшись на этом месте, после того, как, предположим, сломали бы Чубайса: он просто будет сидеть тише воды, ниже травы и только спрашивать, куда надо деньги принести.

Я думаю, что Ельцин на самом деле это прекрасно понимает и именно в этом база моего относительного оптимизма.

Беседу вели
Андрей Колесников,
Любовь Цуканова